

Я набрала в грудь воздуха, сделала шаг навстречу женщине и, стараясь не заикаться, скороговоркой выпалила:

— Простите, можно с вами поговорить?

Женщина нахмурилась, инстинктивно отступила на шаг, но, задержавшись взглядом на моем лице, сделала попытку улыбнуться и спросила:

— Что у вас случилось?

Вот те раз, что у меня случилось, в самом деле? Я поморгала, забыв прикрыть рот, и попыталась вспомнить, что надо говорить дальше. Безрезультатно. В голове вертелась разная чепуха — и настойчивее всех реклама колготок «Нашу любовь не разорвать». Я продолжала таращить глаза, а женщина нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, в конце концов не выдержала и ткнула пальцем в значок на моей груди. Значок был большой, круглый, с огромными буквами «Хочешь похудеть? Спроси у меня»...

— Гербалайф? — обрадовалась она.

— Ага, — еще больше обрадовалась я и так воодушевилась, что смогла разжать челюсти, правда, произнести что-нибудь путное не успела.

— Да он мне даром не нужен, — сказала женщина. — Подруга такие деньги выкинула — и что?

— Что? — проблеяла я, радуясь возможности вставить слово.

— Ничего. Вот ничегошеньки. А как мучилась: картошку нельзя, пироги нельзя... после четырех только коктейль из этой дряни, да если себя голодом морить, и без гербалайфа похудеешь.

— Вы не совсем правы, — жалобно пропищала я. — Он выводит из организма шлаки... — Что еще такого делает гербалайф, я вспомнить не могла и вздохнула: от жалости к себе и к гербалайфу, конечно, тоже.

— Ерунда, — отмахнулась женщина. — Есть прекрасные народные средства. Травы надо пить. Очень полезно, и ни копейки не стоит... У меня здесь записано... — Она полезла в сумку, а я, чуть не плача, ждала и ругала себя на чем свет стоит. Надо же быть такой дурой, все из моей головы разом вылетело...

Женщина между тем извлекла записную книжку толщиной с Библию и сурово огляделась. Неподалеку было уличное кафе, заметив его, она заявила:

— Идемте туда, — и гордо зашагала в направлении разноцветных зонтиков. Я поплелась следом, не зная, чего мне больше хочется: зареветь в голос или потихоньку удрать. «Идиотка несчастная, — мысленно шипела я. — Сейчас же возьми инициативу в свои руки и убеди эту женщину, что гербалайф...»

Тут начинались проблемы, я совершенно ничего, ну ничегошеньки не помнила об этом чертовом гербалайфе.

Мы достигли первого стола, женщина плюхнулась на пластмассовый стул, он издал подозрительный звук, а я замерла, но ничего не случилось. Поэтому я тоже устроилась за столом и с полчаса слушала женщину, время от времени открывая рот и произнося:

— Да... э-э-э... ага...

За полчаса я смогла получить четырнадцать рецептов, написанных весьма неразборчивым почерком, массу полезных советов и номер телефона собеседницы вкупе с предложением «в случае чего, звонить не стесняюсь». «В случае чего именно», я так и не поняла, но ее это, по-моему, не волновало.

Тут взгляд ее остановился на моей блузке, и она спросила:

— Это откуда?

— Из Парижа, — растерялась я.

— Дорогая?

— Как вам сказать...

— Вижу, что дорогая. У меня глаз наметанный. Сами ездили или привез кто?

— Сама, — пискнула я, начиная стыдиться.

— Это бриллианты? — Палец с ярко-красным ногтем нацелился в мое ухо. Я испугалась и поспешно кивнула. Женщина внимательно оглядела меня и заявила: — Чего вы мне голову морочите?

— Я? — пугаясь все больше и больше, пролепетала я.

— Конечно. Ведь вы распространяете гербалайф?

— Да.

— Глупость какая...

— Почему же глупость? — Я вдруг обиделась и даже разозлилась.

— Потому... — отрезала женщина, поднялась и зашагала прочь.

Я тяжело вздохнула, убрала рецепты в сумку и позвала официанта. Съела два пирожных, двойную порцию мороженого с шоколадом, покосилась на свой значок и вновь тяжело вздохнула: «Ни на что я не гожусь», — и совсем было собралась всплакнуть, но тут рядом со мной появился парень, сел напротив, широко улыбнулся и сказал:

— Привет.

— Привет, — ответила я, вглядываясь в его лицо. — Мы знакомы? — поинтересовалась на всякий случай.

— Еще нет, — развеселился он.

— Тогда займите другой столик, свободных мест более чем достаточно.

Парень скорчил забавную физиономию и ткнул пальцем в значок.

— Я спрашиваю, — заявил он, а я поморщилась и мысленно показала ему язык.

— Вы хотите похудеть? — спросила я.

— Конечно.

— Не морочьте мне голову, — совсем как женщина несколько минут назад, заявила я и отвернулась.

— Правда хочу. Очистить организм и все такое. А телефон у вас есть? Меня Сашей зовут, а вас?

Я извлекла из сумки визитку, сунула парню и, пробормотав: «Худейте на здоровье», поспешила покинуть кафе. Потом сняла значок, бросила его в сумку и побрела куда-то без видимой цели.

Очень скоро мне это надоело, и я стала поглядывать на троллейбусы. Я не очень люблю пешие прогулки, но троллейбусы просто ненавижу. Перевела взгляд на такси, начала злиться и даже прошипела: «Такси тебе не по карману», отошла подальше от тротуара, чтобы не испытывать свою стойкость, и оказалась возле щита «Приглашаем на работу».

Объявлений было множество, я добросовестно прочитала все. В основном требовались секретари-референты. Всю прошлую неделю я угробила на подобные объявления. В первый раз нелегкая занесла меня в какую-то подворотню в старом городе. На здании из красного кирпича, таком ветхом, что его стоило бы снести еще в прошлом веке, красовались бумажка с надписью «Эверест», приклеенная к обшарпанной двери, и стрелка, упирающаяся в полуразвалившийся забор тоже из красного кирпича. Пока я хлопала глазами, силясь сообразить, что бы это могло означать, за моей спиной возник мужчина кавказской национальности и радостно пропел:

— Заходи, дорогая...

— Вы кто? — сурово одернула я.

— Я? — слегка растерялся он. — Рафик меня зовут. А тебя, красавица?

— А меня налоговая полиция. Это ваша лавочка?

— Моя, — пролепетал он.

— Готовьте документы, — еще больше посуровала я, отступая от двери. — Сейчас подъедут наши товарищи.

Рафик моргнул и вроде бы вытаращил глаза, впрочем, наверняка тут не скажешь, потому что они от природы были большими и в уготованном им месте не помещались. Воспользовавшись его замешательством, я поспешно удалилась и, только оказавшись в такси, вздохнула с облегчением.

После этой встречи я старательно избегала подозрительных офисов. В фирмах, занимающих приличные здания в центре, меня встречали приветливо. Хозяин, как правило, молодой мужчина, поднимался навстречу, усаживал в кресло, угощал кофе и с веселой улыбкой выслушивал пожелание совершать ежедневный трудовой подвиг в его конторе. После чего меня провожали до двери и просили передать привет супругу. После шестого приветия я рассвирепела и позвонила Максиму.

— Это твои происки? — прошипела я зловеще, потому что звонила из автомата, не в силах больше сдерживать негодование.

— Что? — весело спросил он.

— Меня не берут на работу.

— Куда?

— Какая, к черту, разница?

— Ты хочешь устроиться кондуктором? — еще больше развеселился он.

— Между прочим, у меня высшее образование.

— Ну и что? Я встречал кондукторов с высшим образованием.

— Я хотела устроиться секретарем-референтом.

— Серьезно? — вдруг загрустил Максим. — А ты умеешь печатать?

— Я научусь...

— Извини, дорогая, но ты не умеешь даже заваривать кофе.

— Я не умею? — мое возмущение не знало границ.

— Не умеешь, — вздохнул он. — Но, несмотря на это, я все равно люблю тебя.

— А я тебя нет, — отрезала я и повесила трубку.

В общем, с идеей стать секретарем-референтом пришлось распрощаться, потому что Максим, конечно, прав: печатать я не умею, мысль ежедневно по восемь часов сидеть на работе приводила меня в ужас, а кофе я действительно готовлю паршиво. Тут уж ничего не поделаешь.

Поскучав возле стенда с объявлениями и махнув на все рукой, я заспешила к стоянке такси и через пятнадцать минут уже входила в кабинет Лильки. Она восседала за огромным столом в деловом костюме черного цвета и белоснежной блузке. Лильке хорошо, у нее есть характер, принципы и стремления. А у меня только лень, хороший аппетит и дурные привычки.

Лилька радостно улыбнулась мне и шепнула заговорщицки:

— Ну как?

— Никак, — хмуро ответила я, готовясь к основательной взбучке.

— Что «никак»? — начала злиться подруга.

— Что спрашиваешь, то и никак. Не могу я приставать к людям на улице. Знаешь, по моему, это даже неприлично.

— Чепуха. И ты это прекрасно знаешь. Такая работа тебя закалит. Поможет выработать характер.

— Может, он выработается как-нибудь по-другому?

Лилька собралась метнуть в меня молнию, но неожиданно передумала. Подошла, села рядом и даже обняла, а потом запела сахарным голоском:

— Ничего, зайчик, это только первый день. Тебе надо пересилить себя...

— Не зови меня зайчиком, — проворчала я, у Лильки все зайчики: и девочки, и мальчики, это иногда раздражает.

— Хорошо, дорогая. — Она улыбнулась, чмокнула меня в нос и спросила: — Хочешь кофе?

— Ничего я не хочу, — нахмурилась я.

— Что за настроение? Ну-ка, улыбнись... Пойдем сегодня в театр, там комедия... Не помню, как называется, но это не важно. Наденешь свое голубое платье... Ты в нем такая красавица, все плохое настроение как рукой снимет.

Голубое платье я любила. Задумалась, глядя в потолок, и поделилась наболевшим:

— Я видела колье к нему. В центре голу-

бой камень и россыпь бриллиантов. Представляешь?

— Ты ведь его не купила? — насторожилась Лилька.

— Подумываю... — честно созналась я, а надо было помалкивать, потому что подружка сразу же начала метать молнии.

— Что ты болтаешь! — рявкнула она. — У тебя есть деньги на такие покупки?

— Вообще-то есть...

— Это не твои деньги, а деньги твоего мужа.

— Какая разница, раз он всучил их мне?

— Неужели ты не понимаешь, что он тебя испытывает? — В этом месте я скривилась и попросила жалобно:

— Отвяжись, а? Я не купила это кольцо и не куплю.

— Слава богу, — вздохнула подружка, как будто мы с ней на пару только что пережили опасное приключение. — Ты должна держаться, найти работу, научиться себя обеспечивать и доказать в конце концов, что ты вполне способна обходиться без него.

— А я что делаю? — поинтересовалась я, заметно поскучив. — Только Максим звонил всех знакомых, и теперь приличной работы мне ни за что не сыскать. Если по-честному, делать я ничего не умею, а распродавать гербалайф мне не хочется.

— Ну его к черту, — согласилась Лилька. — Попробуем что-нибудь придумать... Этот гад звонил?

— Ага.

— Звал назад?
— Само собой.
— А ты?
— Что я?
— Ну... ты дала понять, что порвала с ним окончательно?

— Послала его к черту.

— Хорошо, — удовлетворенно кивнула Лилька и добавила: — Так ему и надо...

«Гадом» мой муж стал четыре месяца назад, до тех пор числился в «душках». Такая немилость объяснялась просто: мы развелись, то есть, если быть до конца откровенной, это я с ним разводилась. Максим об этом даже не помышлял, считая мой поступок глупой блажью. Впрочем, что бы я ни делала, он все считал глупой блажью, хотя я мало что делала, зато очень умело изводила свою дражайшую половину (это, конечно, мнение мужа). Максим женился на мне два года назад. Заметьте: это он на мне женился, лично я не делала никаких попыток выйти за него замуж.

Я только что закончила институт и искала работу. Искала, не особенно напрягаясь, так что дело продвигалось ни шатко ни валко. Лилька, которая старше меня на четыре года и всегда отличалась избытком жизненных сил, взялась мне помочь. С Максимом у них было шапочное знакомство через каких-то общих друзей. От них-то подружка и узнала, что ему требуется секретарша. О работе секретаря у меня было смутное представление, но Лильку это не остановило, и она, дав

массу полезных советов, потащила меня к Максиму.

На работу меня не приняли, будущий супруг за пять минут смог распознать во мне профессиональную лентяйку, а так как к своей работе он относился чрезвычайно серьезно, то исключительно вежливо меня отфутболил. Однако вечером позвонил мне и пригласил поужинать. В работе мне уже отказали, и ужинать я не пожелала, недвусмысленно намекнув, что Максим интересовал меня исключительно как возможный работодатель. Надо знать характер моего мужа: он развил прямо-таки фантастическую деятельность. Настойчивые ухаживания завершились тем, что я в конце концов промялила «да» и мы поженились.

Несмотря на молодость, муж уже в то время руководил крупной фирмой (до сих пор не знаю, чем они там конкретно занимаются), являлся членом всех городских клубов и обществ, а также считался одним из самых перспективных молодых людей в партии, в которой состоял уже несколько лет (название партии я записала на бумажке после длительных и безуспешных попыток его запомнить, но и сейчас с уверенностью назвать не смогу).

После бракосочетания с последующим венчанием в кафедральном соборе, с хором певчих, десятью «Мерседесами», одним «Роллс-Ройсом» и тремя кинокамерами, вопрос о моем трудоустройстве отпал, так и не возникнув. Я стала женой крупного бизне-

смена и два года весьма успешно подвизалась в этой роли: тратила мужнины деньги, лучезарно улыбалась налево-направо и исправно трепала супругу нервы своими капризами. С некоторым опозданием он обнаружил у меня вздорный характер, поставив на вид вспыльчивость, чрезмерную избалованность, эгоизм и абсолютное нежелание считаться с его мнением. У меня были встречные претензии (с моей точки зрения, весьма обоснованные). Мы отчаянно ругались (не реже трех раз в неделю), я била посуду и топала ногами, а Максим хлопал дверью, а потом без конца звонил по телефону, на который я принципиально не реагировала. К вечеру он возвращался с огромным букетом, мы быстренько мирились, ехали в какой-нибудь ресторан ужинать с шампанским по случаю перемирия и чувствовали себя безмерно счастливыми до следующего скандала, который, кстати, мог возникнуть по любому поводу, а также без оногo вообще. Мое плохое настроение в утренние часы часто способствовало этому, а поскольку с Максимом мы виделись в силу специфики его работы только утром и вечером, то, как правило, и скандалили по утрам, чтобы вечером помириться.

Такая жизнь устраивала обоих, пока в пылу полемики, возникшей из-за какого-то дурацкого костюма, который я пятый месяц не могла забрать из чистки по причине отсутствия свободного времени, так вот, пока из-за этого дурацкого костюма, рассвирепев более обыкновенного и совершенно потеряв

контроль над собой, Максим вдруг не рывкнул:

— Ты без меня дня не проживешь...

Это показалось обидным, и я поинтересовалась:

— Я не проживу?

— Разумеется, — подло улыбаясь, ответил супруг. — Ты даже не знаешь, где продают хлеб. Ни за что не найдешь булочную и умрешь от голода.

— Это черт знает что такое! — решила я и запустила в мужа хрустальную вазу. Она была очень тяжелой, и, если честно, мне никогда не нравилась. Ваза упала на ковер без видимого для себя ущерба, это слегка удивило меня, и я еще немного ее побросала, причем так увлеклась, что временно забыла про Максима. Он понаблюдал за мной, покачал головой и изрек:

— Ты совершенно нелепое создание. Кактус.

Одно дело, когда тебе говорят о вздорном характере, и совсем другое, когда обзывают каким-то кактусом. Я вытаращила глаза и выкрикнула:

— Что ты сказал? — надеясь, что муж перепугается и возьмет свои слова обратно. Но он упрямо повторил:

— Кактус. — И это стало причиной нашего развода, то есть я в тот же день поехала в суд и подала на развод, воспользовавшись тем, что был вторник, а заявления как раз принимали по вторникам.

Правдиво указать причину развода я не

могла, ну что же в самом деле, так и писать, что муж обозвал меня кактусом? Поэтому я немного схитрила и причиной своей немилости к супругу указала его нежелание меня понимать. Эта фраза вызвала недоумение у женщины, принявшей мое заявление, а потом и всех моих многочисленных знакомых. Но мне она казалась очень удачной, и я, чтобы придать себе уверенности, то и дело повторяла вслух: «Он меня не понимает».

Не дожидаясь возвращения Максима с работы и игнорируя дребезжащий телефон, я собрала свои вещи и отправилась к родителям. Все вещи, которые я считала своими, собрать за несколько часов я просто не могла, к тому же в грузовое такси они бы попросту не уместились, поэтому пришлось выбирать, то есть что-то оставлять в опостылевшем доме мужа, а что-то брать с собой, и я пережила несколько восхитительных мгновений, глядя на шляпки, успевшие выйти из моды, шкатулки, костяной веер из Гонконга и прочие милые безделушки, которые так трогают сердце одинокой женщины...

В конце концов я смогла покинуть дом мужа и свалилась как снег на голову своим родителям, которые, благополучно переложив заботу обо мне на плечи мужа, думать не думали, что я смогу вернуться. Пока грузчик и водитель перетаскивали вещи, папа и мама стояли в прихожей наподобие скорбных памятников.

— Я от него ушла, — заявила я сурово и

сочла необходимым добавить: — Он меня не понимал.

Папа, под предлогом посещения парикмахерской, выскользнул из квартиры и от соседей позвонил Максиму. Тот явился через пятнадцать минут в сильнейшем гнев. Рывкнул с порога:

— Что ты вытворяешь?! — Но должного впечатления не произвел.

— Ты не понимал меня, — заявила я обиженно, а супруг пошел пятнами:

— Это я тебя не понимал? А кто ж тебя понимал в таком случае?

Продолжать разговор в подобном тоне я сочла неуместным и удалилась в ванную, откуда меня так и не смогли выманить, как ни старались. Все трое стояли возле двери и по очереди меня урезонивали.

Чрезвычайно довольная собой, я соорудила ложе из банных халатов и полотенец, а Максим остался ночевать, как видно, рассчитывая, что к утру я подобрею. Ничуть не бывало. Утром я твердо заявила ему из-за двери:

— Ты меня никогда не понимал. — И добавила зловеще: — А еще назвал кактусом.

— О боже! — простонал муж. — Я тебя умоляю... не можешь ты из-за такой чепухи... в конце концов, кактус очень миленькое растение... и вообще...

— Я подала на развод, — ядовито сообщила я, а Максим, чертыхаясь, не приняв душ и не побрившись, отбыл на свою работу, после чего я покинула ванную.

Родители приняли сторону супруга (подозреваю, с целью от меня избавиться), Максим продолжал свои настойчивые увещевания, и жизнь в доме родителей вскоре сделалась совершенно невыносимой.

На помощь мне, как всегда, пришла Лилька. У нее был громадный опыт разводов с мужьями, и она сразу же с головой окунулась в мои проблемы. Я переехала к ней, из квартиры выходила крайне неохотно и всегда в сопровождении Лильки и ее друзей, у Максима теперь не было никаких шансов со мной встретиться. В отместку он безобразно вел себя у судьи, трижды назвав меня избалованной, дважды «не отдающей себе отчета в своих действиях» и один раз «ребячливой», а в заключение заявил, что никогда со мной не разведется. Мне предложили все как следует обдумать, дав на это месяц.

— Он сунул им взятку! — рычала Лилька в коридоре суда и сверкала глазами. Максим изловчился перехватить меня возле машины и сказал очень серьезно:

— Кончай дурить, а? Клянусь, я больше никогда не назову тебя кактусом.

Это отвратительное слово вызвало во мне прилив ненависти, а глагол «дурить» сильнейшую обиду, я сдвинула брови и со всей ответственностью заявила:

— Ты меня никогда не понимал, — после чего устроилась в Лилькином «Фольксвагене» и отбыла, ни разу не взглянув в сторону супруга.

Максим продолжал попытки встретиться

со мной, чтобы обсудить проблему. Никакой проблемы я не видела и ничегошеньки обсуждать не хотела. Супруг очень быстро смекнул, что, если я буду жить у подруги, шансы видеться со мной равны нулю. В один прекрасный вечер он заявился к Лильке и, слегка сдвинув ее в сторону, прокричал в недра квартиры, рассчитывая, что я его услышу:

— Ты имеешь право на жилплощадь!

Разумеется, я имела право, оттого незамедлительно выплыла в прихожую, а Максим повторил:

— Ты имеешь право на половину дома.

— Да, — кивнула я головкой и торопливо добавила: — Только мне от тебя ничего не надо.

— Я не могу жить сразу на трех этажах, когда ты ютишься у подруг.

У Лильки я вовсе не ютилась, жила она одна, а квартира насчитывала четыре комнаты общей площадью сто двадцать квадратных метров, но спорить я не стала и взглянула на супруга с интересом. Лилька, немного подумав, решила впустить его в прихожую. Максим посмотрел на нее сурово, перевел взгляд на меня, заметно подобрел и предложил:

— Может быть, мы где-нибудь поужинаем и обсудим этот вопрос?

Ужинать с Максимом я не собиралась, очень хорошо зная, чем может закончиться этот ужин, подумала немного, широко улыбнулась и осчастливила его:

— Хорошо. Только Лилька поедет с нами. ■

Муж тяжело вздохнул, а Лилька скорчила в ответ злобную гримасу, хохотнула, победно вскинула голову и уплыла переодеваться.

Воспользовавшись моей беззащитностью, муж тут же ухватил меня за руку и невнятно пробормотал:

— Я тебя люблю. И не вздумай сказать, что ты меня — нет. Ни за что не поверю, это все глупость и притворство.

— Конечно, — усмехнулась я. — Глупость, что же еще? А я сама — кактус.

— О господи, — начал он скулить сквозь зубы, получалось довольно забавно. — Уго-раздilo же брякнуть такое...

— Вот-вот, — поддержала я его. Он сжал мою руку с большим рвением, возвел очи к потолку и только собрался сказать что-нибудь в высшей степени впечатляющее, как в прихожей возникла Лилька, Максим скривился, опустил глазки и обреченно проронил:

— Поехали.

Ужин удался на славу, бирюзовое платье шло мне необыкновенно, любимые пирожные таяли во рту, Лилька трещала как заведенная, что позволяло совершенно не следить за разговором: вставить слово мне все равно не дадут. И вот тут Максим сказал:

— Продадим дом, а деньги разделим.

Сообразив, что он такое заявил, я довольно отчетливо икнула, выпучила глаза и, кажется, остолбенела.

— Как это продадим? — пролепетала я где-то через минуту, Максим пил кофе, а

Лилька безуспешно пыталась вернуть отпавшую челюсть на ее законное место.

— Как продать? — через минуту смогла спросить и она, после чего мы с отчаянием переглянулись.

— Очень просто, — пожал муж плечами. — Зачем мне этот дом, если я живу один? Кстати, я уже неделю ночую в гостинице. Дом навевает грустные мысли, мне тяжело в родных стенах, где все напоминает о любви, которой я лишился.

— Ты сам виноват, — насторожилась я.

— Возможно, но жить в этом доме я не собираюсь. Хочешь — живи ты.

Я нахмурилась, уловив в его словах намек на хитрость. Наш дом мне очень даже нравился, и продавать его я не собиралась. Он располагался в самом центре города, но в тихом переулке, и вдобавок ко всему имел свой, хотя и небольшой, зато самый настоящий парк. Метрах в двухстах от нашего дома находилась церковь восемнадцатого века, необыкновенно красивая, и дважды в день я могла наслаждаться колокольным звоном (что было весьма благотворно для моей души). Считалось, что в прошлом веке дом этот принадлежал губернатору, человеку образованному и не чуждому культуры, оттого дом мог похвастать редким сочетанием красоты, вкуса и благородства, который придает подобным строениям солидный возраст. Конечно, внутри дом совершенно переделали, но все равно складывалось ощущение, что живешь во дворце, а в городе мой дом так и

называли — «губернаторский». Он стоил безумных денег, интриг, сплетен и завистливых взглядов, и вдруг: продать. Это что же вообще такое? Именно этот вопрос я и задавала Максиму.

— Я же объяснил, — пожал он плечами. — Я не могу жить в этой громадине, когда ты теснишься у подруги.

— Я не буду тесниться, — пролепетала я.

— Тогда возвращайся и живи, где тебе положено.

— А ты?

— А я буду ночевать в гостинице.

— Тогда я не смогу тесниться, то есть жить, в то время как ты...

— Мы можем жить там вместе. Не забывай, что в доме два входа, мы даже никогда не встретимся.

Пока я обдумывала, как сказать «да» с минимальным ущербом для своей гордости, Лилька рявкнула:

— Ни за что! — Рявкать она умеет, все сидящие в зале вздрогнули, словно по команде, и испуганно повернулись, а Лилька перешла на шепот: — Ни за что...

— Тебя-то кто спрашивает? — вздохнул Максим.

— Она моя лучшая подруга, — ткнув в меня пальцем, сказала Лилька. — И я не позволю превращать ее в безропотное создание, лишённое чувства собственного достоинства... — Подружка минут десять распиналась в том же духе, а я смотрела на скатерть и думала о своем доме.

— Ты его не продашь, — сказала я, как только Лилька заткнулась.

— Продам, — нахмурился Максим. — У меня уже и покупатель есть.

— Кто? — дружно ахнули мы.

— Черноусов, — ласково ответил Максим, а я позеленела от возмущения: Черноусовы были нашими извечными недругами. Что до самого Черноусова, так мне безразлично, где он и что он, но его мадам неизменно действовала мне на нервы. Крашенная стерва, которой давно стукнуло сорок, а она все прикидывалась тридцатилетней, писала маслом дурацкие картины, которые пыталась всучить всем, кто вовремя не проявил должной бдительности, считала себя интеллектуалкой и на этом основании вечно задирала нос. А однажды назвала меня «милочка». Я в ответ стала называть ее «дорогушей», и вскоре мы стали злейшими врагами. Муж ее руководил крупным банком, и она дважды смогла нанести мне серьезный удар. Сначала явилась на прием в диадеме с двенадцатью бриллиантами, а потом муж подарил ей «Лексус», в то время единственный в городе.

Конечно, я очень быстро оправилась от удара и смогла ответить по достоинству, но все равно такое не забывают. И вот теперь эта мерзавка будет жить в моем доме.

— Ты с ума сошел? — сурово сказала я, глядя в небесно-голубые глаза мужа.

— Мне не нужен этот дом, — скривил он презрительно губы, разумеется, из чистого

упрямства. — Хочешь, живи в нем, не хочешь — я его продам.

— Хорошо, — улыбнулась я, призвав на помощь все свое мужество. — Продавай.

Лилька жалобно ойкнула и съездила мне ногой по щиколотке, я улыбнулась еще шире, а Максим начал покрываться пятнами.

— И продам.

— Э-э, — вмешалась Лилька. — Давайте не будем спешить в этом вопросе. Такой дом продать нетрудно, а вот купить...

— Пусть продает, — не выдержала я, достала платок из сумки и аккуратно заплакала: — Разве ты не видишь, он нарочно мучает меня.

— Садист! — фыркнула Лилька, хватая мои руки, и тоже заплакала.

— Я не стал бы его продавать, если бы ты не мыкалась по подругам, — устыдился Максим.

— Я не мыкаюсь.

— Нет, мыкаешься.

— Хорошо, я куплю себе квартиру, то есть ты мне ее купишь.

— А сам останусь в доме? На кой он мне черт?

— Ты можешь жениться, — заявила Лилька, а я нахмурилась и взглянула на мужа с подозрением.

— Чтобы жениться, надо для начала развестись. А я этого делать не собираюсь.

Подружка усмехнулась, а я кивнула без удовлетворения.

— Все-таки с домом спешить я бы не стала, — произнесла я примирительно.

— Хорошо, — туманно согласился он. — Я покупаю тебе квартиру и каждый месяц выплачиваю алименты до тех самых пор, пока ты не устроишься на работу. Если суд нас разведет, мы продаем дом, а деньги делим пополам. Думаю, это справедливо.

— Она обойдется без твоего пособия, — влезла Лилька, и я кивнула, хотя очень сомневалась, что обойдусь.

Дома подружка сразу же взялась меня поучать.

— Где твоя гордость? — воздевая руки, повизгивала она, бегая по комнате. — Я бы на твоём месте хлопнула дверь и ни копейки не приняла от этого чудовища. Пусть бы подавился своими деньгами. Рабовладелец... Я бы лучше жила на вокзале... — Тут Лилька малость притормозила и посмотрела на меня с сомнением.

— Я не могу жить на вокзале, — на всякий случай предупредила я. — И если по закону мне что-то положено...

— О господи! — Лилька тяжело вздохнула. — Прав твой муженек, ты совершенно... — Она махнула рукой и добавила: — Кактус.

— Сама ты кактус, — разозлилась я.

— И нечего обижаться. Возвращайся к мужу. Ты из тех женщин, что без этих волосатых мерзавцев дня не проживут.

— Еще чего. Очень даже хорошо проживу, и Максим вовсе не волосатый. Он симпатичный и, когда ведет себя прилично, просто душка, а ты моя лучшая подруга и не должна называть меня всякими обидными словами,

иначе придется с тобой поссориться, хотя мне этого вовсе не хочется, потому что я тебя люблю и очень уважаю за твой характер, возможно, у меня нет твоего характера, но это дела не меняет, и ты...

— Заткнись, — нахмурилась Лилька. — Короче: квартиру берем самую дешевую, этим я сама займусь. А пособие пятьсот рублей, и пусть посылает по почте, нечего ему к тебе шастать.

— Как это пятьсот? — испугалась я. — Что за глупости ты говоришь...

— Пятьсот, — отрезала Лилька. — И ты от них откажешься, как только устроишься на работу. Будешь зарабатывать сама. Решительная женщина, способная постоять за себя...

— Лилечка, а квартира? В нее же надо мебель?

— Возьмешь все необходимое из дома, только необходимое, — насторожилась она. — К тому же я сомневаюсь, что тебе потребуется много мебели.

— Почему это? — потихоньку начала впадать я в панику.

— Приличную квартиру ты купишь потом сама. А пока берем однокомнатную «хрущевку». Это будет хорошим стимулом начать новую жизнь и взяться за себя всерьез.

— Может, не стоит? — пролепетала я.

— Стоит, — ответила Лилька. — Будем делать из тебя человека.

Не знаю, что тогда имела в виду подружка, но сейчас она взирала на меня с очень постным видом, тяжело вздыхала и время от времени хмурилась.

— Ты могла бы к нему вернуться, — заявила она наконец, сверля меня взглядом.

— Ни за что, — ответила я, и Лилька успокоилась.

— Ладно, гербалайф не очень удачная затея, позвоню Арсеньеву, может, у него есть место...

— Какое? — насторожилась я.

— Господи, да какая разница, лишь бы деньги платили.

Ободренная таким образом, я отправилась домой, с облегчением подумав, что сегодня моя судьба вряд ли решится. Я покинула Лилькин кабинет, а также здание, где он размещался, и направилась в сторону кафе, на ходу заглянув в кошелек. Его содержимое меня озадачило. Два дня назад Максим выдал мне тысячу (уже четвертую в этом месяце, знай об этом Лилька, она непременно бы меня убила, но она, слава богу, не знала), но эта самая тысяча каким-то непостижимым образом опять испарилась. Я попыталась вспомнить, что я купила: тапочки, лак для ногтей, шапочку для душа (она оказалась не очень удобной, хотя шла мне необыкновенно), сухой корм для Ромео и два килограмма мяса ему же. Больше я ничего не покупала... как будто. «Придется опять звонить Максиму, — опечалилась я, вздохнула и с горя съела пирожное и выпила молочный